

Чжоо Чэнь вернулся домой и сразу заметил перемены. Просторный пентхаус Чжао Синчуаня всегда казался слишком пустым и строгим: квадратные метры пропадали зря, а бездушный, подчеркнуто деловой стиль больше напоминал ведомственное жилье для топ-менеджеров, чем уютный дом.

Все было безупречно, но такая идеальность утомляла — жизни, лишенной мелких деталей и мягких, теплых штрихов, отчаянно не хватало уюта.

Даже в крошечной съемной конуре Чжоо Чэня было душевнее. Там хотя бы висел акварельный рисунок в раме, который он откопал на блошином рынке всего за сто юаней.

На картине было изображено поле подсолнухов. Странность заключалась в том, что все они отворачивались от солнца. Будь среди них лишь один упрямец, повернутый вспять, это выглядело бы трогательным бунтом одиночки, искрой пробуждения. Но когда вся эта золотая масса дружно пренебрегала законами природы, в их молчаливом неповиновении сквозило нечто дикое, почти первобытное. Этот бунт завораживал. Невольно закрадывалась мысль: а вдруг ошиблось само солнце? Вдруг подсолнухи шагнули на новую ступень эволюции, а светило в небесах так и не осознало, что его участь предрешена и его давно отвергли? Чжоо Чэню нравилась эта ирония.

А главное, картина стоила сущие копейки. Будь она хоть на десять юаней дороже, он бы даже не взглянул на нее.

Тот художник... Чжоо Чэнь почти забыл его лицо. В памяти остался лишь неясный силуэт: тощий, изможденный человек, сидевший на бетонных ступенях у входа на рынок — живое воплощение артхаусных персонажей из кино прошлого века. Еще запомнились его туфли, покрытые густым слоем серой пыли.

Чжоо Чэнь протянул ему сто юаней и забрал картину.

По сути, это было чистой благотворительностью. Картина действительно его зацепила, но ведь сам Чжоо Чэнь пришел на барахолку за дешевой подержанной мебелью. Один пытался выгадать копейку на старомхламе, другой — продать высокое искусство там, где люди дрались за каждый грош ради выживания. Нелепая встреча. То ли художнику было не место среди ржавого железа, то ли ему не следовало тратить последние крохи, отложенные на обустройство быта, ради сомнительного удовольствия созерцать чужой бунт.

«А ведь стоит привезти ее сюда, — подумал Чжоо Чэнь, оглядывая холодный интерьер. — Ей здесь самое место».

Изменения в пентхаусе были заметны сразу: повсюду сновали рабочие. Поднялся шум, пахло свежим клеем. Проследив за их перемещениями, Чжоо Чэнь обнаружил, что одна из запертых прежде дверей теперь распахнута настежь.

В этом жилище почти все обитаемые зоны — от гостиной и кухни до кабинета и спортзала с беговой дорожкой и симулятором гольфа — плавно перетекали друг в друга. Закрытыми оставались только ванная, гардеробная да пара гостевых комнат.

Чжоо Чэнь раньше думал, что за глухими дверями скрываются кладовки, забитые всяким хламом. Но сейчас заглянул внутрь и увидел лишь голые стены, покрытые свежей белой шпатлевкой. Никакой мебели. «Неужели у богачей вообще нет ненужных вещей?» — усмехнулся он про себя.

Рабочие заканчивали клеить обои, а в просторной гостиной громоздились коробки со сборной мебелью.

В этот момент из кабинета вышел Чжао Синчуань.

— Теперь эта комната твоя, — буднично произнес он.

Чжоо Чэнь на мгновение растерялся.

— Ты приготовил комнату для меня?

В его вопросе промелькнуло что-то интимное, отчего Чжао Синчуань вдруг засомневался, правильный ли шаг сделал. Он ведь хотел сохранить дистанцию, но вышло иначе.

— Да, — сухо ответил он. — Иначе куда ты денешь свои вещи?

Чжоо Чэнь лукаво улыбнулся:

— Значит, ты принял решение? По поводу моего вопроса.

Этот взгляд скользнул по лицу Чжао Синчуаня мягким, дразнящим перышком, пробуждая в груди глухое беспокойство. Мужчина помрачнел.

— Если бы я не согласился, твои чемоданы давно стояли бы за дверью, — ответил он.

Чжоо Чэнь искренне и облегченно улыбнулся. Наблюдая за тем, как быстро тает его напускная настороженность, Чжао Синчуань и сам почувствовал, как с души спала тяжесть.

Он по-прежнему не знал, правильно ли поступает. Но Чжоо Чэнь был прав: даже если бы он нашел в себе силы отказать сейчас, потом его бы неизбежно грызло сожаление. Так почему бы просто не рискнуть?

Чжоо Чэнь подался вперед, легко коснулся губами его губ и весело бросил:

— Пойду приготовлю ужин.

К ужину рабочие закончили дела и тихо ушли. Чжоо Чэнь заглянул в свои новые владения. В воздухе не пахло ни краской, ни дешевым клеем — качественные материалы давали о себе знать. Мебель подобрали дорогую, а широкая двуспальная кровать оказалась точной копией той, что стояла в хозяйской спальне.

«Если здесь чем и пахнет, то только большими деньгами», — подумал он, заметив на прикроватной тумбочке диффузор от известного модного дома.

Полки шкафов пустовали. В небольшой, но отлично спланированной гардеробной с витриной для аксессуаров тоже не было ни пылинки. Ослепительная, стерильная пустота.

— Кровать отличная, — улыбнулся Чжоо Чэнь, повернувшись к вошедшему Чжао Синчуаню. — Но твоя мне нравится больше. Да и ты не похож на человека, которому нравится спать в одиночестве. Так что эта комната сгодится разве что под склад для моих вещей.

Чжао Синчуань удивленно посмотрел на него, но в душе у него разлилось странное облегчение.

— Делай с ней все, что сочтешь нужным, — ответил он.

Чжоо Чэнь провел ладонью по стенам. Обои из натурального шелка приглушенно мерцали под светом ламп, а сквозь нежную текстуру проступали тончайшие, едва заметные серебряные нити.

— Сам выбирал обои? — спросил Чжоо Чэнь.

— Дизайнер, — лаконично отозвался Чжао Синчуань.

Только сейчас он сообразил: обустроявая комнату для Чжоо Чэня, он даже не подумал спросить, что нравится самому парню.

Чжоо Чэнь понимающе кивнул:

— Выглядит очень изысканно. Спасибо.

— Но тебе не нравится? — проницательно заметил Чжао Синчуань.

Чжоо Чэнь удивленно взглянул на него. Надо же, какая прямота. Приятно, что Чжао Синчуаня действительно волновали его чувства.

Подумав немного, он мягко произнес:

— Нет, тебе показалось. Мне правда очень нравится. Просто... для меня еще никто и никогда так не старался. — Он взял мужчину за руку и потянул за собой. — Ладно, не будем разводить сырость. Пойдем ужинать.

После ужина они приняли душ и легли в постель. В спальне воцарилась уютная, сонная тишина.

Сонливость медленно окутывала комнату. Чжао Синчуань задумчиво разглядывал профиль лежащего рядом Чжоо Чэня, как вдруг тот повернул голову и открыл глаза.

— Не спится? — негромко спросил юноша.

Чжао Синчуань моргнул, стряхивая оцепенение.

— Есть немного.

Чжоо Чэнь подтянул повыше теплое одеяло и повернулся на бок, лицом к нему. В конце концов, забота о крепком сне любимого покровителя тоже входила в круг его обязанностей.

Он послушно принялся нащупывать тему для разговора:

— Скажи, у тебя тут все сделано по указке дизайнеров? Сам хоть какую-то мелочь выбрал?

— Нет, — подтвердил тот.

— Ради экономии времени?

— Да.

— Решил, что личная жизнь тебе ни к чему? Достаточно одной работы?

— Угу.

Чжоо Чэнь вздохнул:

— Чувствую себя психотерапевтом на приеме у особо сложного пациента.

—...

— Позвольте узнать, больной, как давно у вас эти симптомы? — шутливо поинтересовался Чжоо Чэнь.

Чжао Синчуань недовольно покосился на него. Чжоо Чэнь тихо фыркнул и подпер голову рукой, с любопытством уставившись на мужчину, точно кот на зашевелившуюся мышь.

— Ну же, поделитесь с прессой, — вкрадчиво протянул он. — Что заставило вас так охладеть к собственной жизни?

— Глупости. Не о чем тут говорить.

— Какая скрытность, — Чжоо Чэнь шутливо толкнул его в плечо. — А ведь раньше ты был другим. Я знаю.

Чжао Синчуань нахмурился:

— Откуда тебе знать?

— В твоей старой комнате до сих пор пылятся модели самолетов, школьные учебники, виниловый проигрыватель и ударная установка. А на полках стоят твои собственные скульптурные наброски. Куда все это делось? Почему осталась одна работа?

В его голосе не было ни упрёка, ни жалости. Он говорил мягко, убаюкивающе, словно напевал тихую колыбельную.

Чжао Синчуань тихо вздохнул. Как этот парень умудрился разглядеть и запомнить все эти мелочи?

— Детские увлечения, — глухо ответил он.

— Ну, старость тебе тоже пока не грозит.

— К чему ты клонишь?

Чжоо Чэнь помолчал, с мягким вздохом опустился обратно на подушку и спросил невпопад:

— Какая книга была твоей любимой в детстве?

Чжао Синчуань растерялся от такой резкой смены темы.

— «Остров сокровищ».

— Из-за духа приключений?

— Наверное.

«Удивительно противоречивый человек», — подумал Чжоо Чэнь. Жажда авантюры уживалась в Чжао Синчуане с крайней осторожностью. Его манил риск, но здравый смысл и привычка все контролировать сковывали по рукам и ногам. Особенно в чувствах. Мужчине требовались твердые гарантии. Он хотел точно знать, что клад действительно зарыт на острове, и только тогда соглашался снаряжать корабль. Впрочем, его можно было понять.

В тишине раздалось ровное, глубокое дыхание. Чжоо Чэнь повернул голову — Чжао Синчуань уже спал.

«А впрочем, кто из нас не ищет гарантий?»

Чжоо Чэнь тихонько вздохнул, прижался к спящему мужчине, обнял его и вскоре тоже провалился в сон.

Утром Чжоо Чэнь проснулся в одиночестве. Чжао Синчуань уже ушел, но на кухонном столе ждал сытный китайский завтрак: нежная пшенная каша, гора сочных паровых пельменей-цзяоцзы и шаомаи в бамбуковых пароварках, выстроенных внушительной башней.

Рядом лежал листок с номером телефона ресторана на крыше комплекса и короткая приписка, выведенная аккуратным почерком: «Если этого покажется мало, закажи что-нибудь еще. Все оплачено».

Глядя на эти летящие строчки, Чжоо Чэнь невольно улыбнулся, вспомнив вчерашнюю шутку про двойную порцию.

«До чего же он все-таки милый».

Едва покончив с завтраком, Чжоо Чэнь получил звонок от Ло Фэя. Дел накопилось невпроворот, и весь день они провели на ногах, мотаясь по городу.

К вечеру пришло сообщение от режиссера Фан Юйхуа: прослушивание на роль второго

главного героя в картине «После ветра и дождя» назначили на послезавтра. Присутствие Чжоо Чэня было строго обязательным.

Режиссер заодно подкинул ему «домашнее задание» — пересмотреть список фильмов. Не нужно быть гением, чтобы понять: при встрече Фан Юйхуа устроит ему настоящий допрос с пристрастием.

Ло Фэй сел на водительское сиденье, протягивая Чжоо Чэню стаканчик со свежесваренным кофе. Тот убрал телефон и с благодарностью принял напиток.

Ло Фэй сверился с ежедневником:

— Нотариальное заверение, регистрация контракта, оформление бумаг... На сегодня все. Можешь вздохнуть свободно, остальное я возьму на себя.

Чжоо Чэнь устало откинулся на спинку кресла:

— Слава богу.

Слушать занудные объяснения строгих юристов оказалось тем еще испытанием для его нервной системы.

— Не расслабляйся, — усмехнулся Ло Фэй. — Следующая остановка — торговый квартал. Соберись.

\*\*\*

Торговый центр «Сяньта».

Этот роскошный молл редко бывал переполнен зеваками, но здешние бутики ведущих мировых брендов приносили колоссальную прибыль. Покупателей привлекали безупречный сервис и изысканная атмосфера.

И все же бесконечные примерки утомляли не хуже тяжелой работы.

Кочуя из одной кабинки в другую и чувствуя себя манекеном, на которого натягивают горы одежды, Чжоо Чэнь тоскливо думал:

«Простая пижама — вот мой идеальный стиль».

Но Ло Фэй был непреклонен: актер его уровня не имел права появляться на людях в одном и

том же образе два дня подряд. Даже зимой цвет его джемпера должен был меняться ежедневно.

Они закупались отнюдь не в самых пафосных бутиках, однако итоговая сумма в чеке все равно заставила бы обычного человека схватиться за сердце. Ло Фэй потянулся за своим портмоне, но Чжоо Чэнь остановил его и решительно протянул продавцу карту Чжао Синчуаня. Какая разница? Он и так задолжал своему благодетелю целое состояние, парой нулей больше, парой меньше — долг платежом красен, а двум смертям не бывать.

В это время Чжао Синчуань сидел в своем офисе перед экраном компьютера. Смартфон на столе коротко звякнул, высветив уведомление: «С вашего счета списано xxx xxx юаней».

Мужчина лишь слегка усмехнулся. Сумма была пустяковой, но заставила его на секунду отвлечься от отчетов и подумать о Чжоо Чэне.

Объем покупок, способный забить половину новенькой гардеробной, привел Чжоо Чэня в ужас. Он оформил доставку прямо на одиннадцатый этаж жилого комплекса «Розовый сад». Ожидая лифта у выхода из магазина, он со вздохом заявил:

— Все, обещаю: в ближайший год я не куплю себе ни единой тряпки.

Ло Фэй лишь снисходительно улыбнулся в ответ.

— Чжоо Чэнь?

Услышав жеманный, театральный голос, он обернулся. Перед ними стоял мужчина в шелковой рубашке броского кроя.

Его трудно было не запомнить: броский, ультрамодный наряд и вызывающие манеры буквально кричали о том, что этот человек обожает быть в центре внимания.

Не успел Чжоо Чэнь открыть рот, как незнакомец засыпал его быстрыми фразами:

— Ну конечно, это ты! А я — Тан Янь, помнишь? Мы виделись у Синчуаня, я его близкий друг!

— Господин Тан, — Чжоо Чэнь слегка растерялся под этим напором. Тан Янь говорил так громко, что прохожие уже начали обворачиваться.

— Я же просил звать меня сестрицей! — кокетливо заметил модельер.

От этой ужимки Чжоо Чэнь едва не поперхнулся, но послушно выдавил:

— Сестрица, — и поспешно отвел взгляд, симулируя смущение.

Тан Янь просиял от восторга:

— Вот умница! Какая чудесная встреча. Представляешь, я как раз собираюсь открыть здесь собственный дизайнерский бутик!

— Мои поздравления, — вежливо отозвался Чжоо Чэнь.

Тан Янь по-свойски подхватил его под руку:

— Ой, спасибо, милый! Слышал, ты теперь в актеры подался? Поздравляю! И все-таки, ты уверен, что не хочешь поработать моделью? Хотя бы на полставки, а?

Прежде чем Чжоо Чэнь успел что-то ответить, в разговор вмешался молчавший до этого Ло Фэй:

— Господин Тан, добрый день. По вопросам сотрудничества вам лучше обращаться напрямую ко мне. Я Ло Фэй, агент Чжоо Чэня.

Он протянул руку для рукопожатия. Тан Яню пришлось отпустить локоть юноши. Смерив агента оценивающим взглядом, он пожал его ладонь.

— О, я вас знаю! Золотой агент самого Цзян Цюаня. Значит, решили отправиться в свободное плавание?

— Именно так.

— Что ж, похвально. Поздравляю.

— Благодарю. Вас также поздравляю с уходом из Verlo и запуском личного бренда.

Тан Янь картинно вздохнул:

— Ах, ну сколько можно пахать на чужого дядю? Даже в кресле креативного директора ты остаешься всего лишь бесправным рабом, из которого выжимают все соки.

Они быстро нашли общий язык, обменялись визитками, после чего Тан Янь снова переключился на Чжоо Чэня, вознамерившись во что бы то ни стало записать его в свои лучшие друзья.

Юноше пришлось разыграть крайнюю степень утомления, чтобы назойливый кутюрье наконец оставил его в покое.

На обратном пути Ло Фэй заметил:

— Советую подумать над его предложением. Он говорил серьезно и, думаю, скоро свяжется со мной официально.

— Думаешь, игра стоит свеч? — усомнился Чжоо Чэнь. — Мы ведь толком не знакомы.

— Тан Янь — чертовски талантливый дизайнер. Буквально за пару лет он превратил угасающий французский бренд Verlo во флагмана высокой моды, увеличив их мировые продажи вдвое. Собственная марка под его именем обречена на успех. У него огромный вес в модной индустрии, и он может дать тебе мощный толчок. До премьеры дебютного фильма любой шум вокруг твоего имени — на руку. Режиссеры тоже сидят в соцсетях. Так что выгода очевидна.

Раз дело пахло хорошими контрактами и пиаром, Чжоо Чэнь не стал упрямиться:

— Ладно, раз ты уверен, я согласен. Но предупреждаю сразу: ходить по подиуму я не умею. Придется брать уроки.

— Думаю, он это понимает, — кивнул Ло Фэй.

— Тогда договорились.

Они уже подъезжали к дому, когда из динамиков автомобильного радио донеслась тихая скрипичная мелодия. Чжоо Чэнь, убаюканный дорогой, мгновенно стряхнул сон и прислушался.

Он определенно слышал эту вещь раньше. В машине Чжао Синчуаня — тогда тот поспешно переключил трек, стоило раздаться первым аккордам.

— Что за музыка? — как бы между прочим поинтересовался он.

Ло Фэй вслушался в меланхоличный мотив и покачал головой:

— Не знаю. Сейчас ведущий объявит.

Последние ноты растаяли в эфире, и у микрофона появился диджей:

— Только что прозвучало раннее произведение Цзян Минъи. Имя этого виртуоза наверняка знакомо многим нашим слушателям: вундеркинд, ставший первой скрипкой симфонического оркестра «Дунхуан» в возрасте восемнадцати лет. В последнее время ходят слухи о его скором возвращении на родину. Подтверждения пока нет, но нам определенно есть чего ждать.

— Точно, — вспомнил Ло Фэй. — Парень действительно знаменит. Три года назад уехал на стажировку в Италию. Похоже, его обучение подошло к концу.

— Понятно, — отозвался Чжоо Чэнь.

Он невольно иронично усмехнулся. Какое забавное совпадение. Бывшего возлюбленного Чжао Синчуаня тоже звали Цзян.

<http://bllate.org/book/18248/1752960>